Волшебная курочка

Вот жил-был крестьянин с крестьянкой. У них родилось два сына — Саша и Петя. Они живут так, не в достатках — сам мужик был пьяница: чо заработат, то и пропьет, все больше мать хлопочет. И до того добились, что больше ись нечего.

Мужик ушел работать. Вот ждет его жена, что что-нибудь он заработат — может, хлеба купит, хоть ребят накормит. А женщина все больше работала у помещика: когда заработат коврижку хлеба, когда чашку хлебну муки — этим и питалась и детей питала.

Тут не пошла на работу, что понадеялась — мужик заработат. Мужик, что заработал, деньги получил и все с товарищами кончал — все деньги. Явился домой пьяный — с руганью, с бранью. Немножко поругались они, поссорились, все ж таки уложила она его спать.

За душой было у женщины двадцать копеек денег, сереб- рушка. Утром она встала, мужик спит, дети спят. В силу необходимости надо опять идти на работу — добывать коврижку хлеба или чашку муки.

Вытаскиват она двадцать копеек, будит мужика: «Вставай, Иван, да сходи на базар, купи ребятам хлеба — вот тебе денег двадцать копеек!»

Сама ушла на работу.

Мужик встал, двадцать копеек положил в карман. С похмелья всего трясет, ломат — и пошел он на базар. И думат на уме: «Ах, как бы мне опохмелиться! Однако я на десять копеек выпью вина, а на десять копеек куплю ребятам хлеба».

Нопадат ему встречу мужичок с курочкой. Поздоровкались: «Здравствуйте», — «Здравствуйте». — «Куда пошел?» — «Да пошел хлебца купить ребятам». — «А ты не купишь ли у меня курочку?» Мужичок посмотрел эту курочку: «А сколько же она стоит?» — «Она стоит один рубль». — «С удовольствием я бы, — отвечает, — эту курочку купил, но только у меня капитала не хватает, у меня за душой всего двадцать копеек денег». Мужичок повертелся, повертелся: «Да ишо у меня, брат, голова болит с похмелу!» — «Да и у меня, брат, голова болит с похмелья. Тоже опохмелиться надо — последнюю

курочку понес продавать. Ну, ладно, ужо-ка я пошарю в кармане», — мужичок отвечает, который с курицей. Пошарил, нашел гривенник денег. Составилось у обоих у них капиталу тридцать копеек. «Ладно же, возьми эту курочку, а после ты мне доплатишь, а зайдем в кабачок да и полбутылки выпьем».

Зашли в кабачок, потребовали полбутылки водки. Водка стоила двадцать пять копеек, на пятачок — закуски. Который мужичок курочку продавал, совсем мало водки пил, более часть тот пил, который курочку купил. И мужичок отдавал курочку и наказывал: «И эту курочку ты береги и никому не сказывай и не показывай. И вот она тебе будет нести золотые яички, ты так да так, будешь продавать да жить, да детей кормить и в школу отдавать будешь. И выучишь их, они будут у тебя люди».

Стоит Иван и все это на ус мотат, который берет курицу. Идет он домой, дети встали: «Ой, папа идет, хлеба нам несет!»

Папа-то пришел, хлеба-то не принес! Только одну курицу принес. Дети-то обрадовались, курицу взяли и под печку посадили, а Иван трубочку закурил да лег отдохнуть.

Незадолго время курочка закокотала. Иван кинулся, посмотрел под печку — курица вправду снесла золото яйцо. Сгреб он это яичко и ребятам говорит: «Я тепере пойду — вам окончательно хлеба принесу!»

Вышел он на базар, боится показать, и ходит кругом лавок... Один торговец был ему знакомый, как он у него работал: «Что, Иван, ходишь, чего тут тебе надо? Наверно, ребята опять голодом сидят, аль у тебя чо продажное есть?» — «Да, есть у меня продажное, тольки как показать?» — «Дак кажи, чо у тебя продажное есть!»

Вытаскиват Иван золотое яйцо. Торговец оценить его не мог. «Все-таки ты сам знашь, Иван, сколько оно стоит!»

Иван ценил, ценил и оценил в сорок рублей. У этого в лавке как раз, у торговца, не хватат сорок рублей отдать за это за яйцо. Побежал он, другому сказал: «Давай купим вот это пополам и за границу его переведем — мы достанем много за него товару!»

Тот согласился, взяли яйцо, отсчитали Ивану деньги. Иван пошел, деньги взял. Стоит часовня. В первую очередь богу помолился, полтинишную свечу зажег, затеплил: де мне бог дал.

Потом пошел в магазин, взял куль крупчатки, мяса взял, масла взял, и взял себе бутылку водки, ломового возчика и привез
все. Ребятам взял конфет, и пряников, и сушек, и булки да матери покушать.

Все в амбар стаскал, склал, ребят накормил, стакан вина выпил и лег спать. Саша, Петя принаелись, опять играют.

И мать идет с работы, чашку хлебну муки несет. И у ребят своих спрашиват: «Чо, отец-то вам хлеба принес?» — «Он нам сушки принес, булки принес, конфет принес да еще муки привез, да в амбар склал, мясо привез, масла привез! Ишо вино привез — на столе стоит!» Но она сразу: «Винцо-то не забыват! А это не может быть, — на уме думат, — чтоб он мешок муки привез!»

Заходит в избу — Иван встает, она с чашкой с хлебной, с мукой. «Стряпать, — говорит, — буду из чашки хлебной», — «Чо же ты настряпашь? Иди в амбар, я всего тебе навез, стряпай пирожки, крупчатка есть, и мясо есть, и масло!»

Женщина усумлилась, пошла в амбар — праведно! Давай она заводить тесто и пирожки стряпать — и будто ссора успокоилась.

Ладно, переночевали, утром встают — женщина говорит: «Что, мужик, я пойду на работу». — «Нет, не ходи! Стряпай седни булки, а я еще полежу да последнюю водочку попью из бутылки-то».

Женщина напекла булки и калачей, а Иван лежит, отдыхат.

Курица закокотала под печкой, Иван соскочил, посмотрел — ишо лучше яичко снесла! Жене не показыват, яичко в карман! И жене говорит: «Давай скорее чай, я пойду на базар!»

Чаю напились, и отправился он на базар. Приходит к тем же торговцам. Торговцы его уже узнали: «Что, Иван, чо принес?» — «Да ишо лучше яйцо есть!» — «А ты где берешь?» — «Да бог дает мне».

Посмотрели это яичко, оценили: стоит оно двести рублей. Не мыслимо одному купить. Из семи человек сартелилось — двести рублей Ивану заплатили.

Иван забират деньги, перед домом заходит в часовню, ставит рублевую свечку, богу помолился и пошел в магазин набирать себе лопоти: взял

сапоги, взял брюки, взял жилет, взял шляпу, lice это одел, все свое старое бросил, нищему отдал и детям взял костюмы, всю одежу, и бутылку взял, и легкового извозчика и едет с узелком.

Жена не узнала вовсе, в окошко взглянула: будто Иван едет, да пошто в хорошем одеянье? Заходит он в помещение, отдает костюмы Саше и Пете, одел их и сам разоделся хорошо, вынимат бутылку водки, жена разобиделась: «Ты сам разоделся, Иван, и детей одел, а мне ничо не купил!» Опять разгорелася ссора: «Не забыл — бутылку вина-то купил, а чтоб мне хошь на фартук купить!»

Ладно, Иван уговорил жену, что я тебе куплю завтра — у меня деньги есть.

Переночевали, утром встали, чайку попили, Иван опять лег отдыхать на коечку. Курочка закокотала, побежал он под печку:
и ишо лучше яичко снесла! Сгреб он яичко — в карман затолкал: «Я иду на базар, — жене [говорит], — что тебе купить?» — «А что купишь, то и ладно!» — «Нет, я тебе все хорошо, ново куплю!»

Приходит на базар, опять к этим же торговцам. Они уж его узнали: «Что, Иван, с продажей? Али покупать что будешь?» — «Есть продажа!»

Вытаскиват опять яйцо, ишо лучше — оценить не могут, шибко уж хорошее — гольное золото!

Иван им оценил: «Это яйцо стоит шестьсот рублей!» Насилу собрали они, семь человек, шестьсот рублей, Ивану заплатили, яичко взяли.

Иван пошел, зашел в часовню, свечку рублевую поставил, пошел в магазин, набрал все жене, что ей следует: на юбку, на кофту, шали, бутылку водки взял — и на легковом извозчике приехал. Привез домой, подает жене покупки. Жена осталась довольна, сгребла Ивана за щечки и поцеловала, и сказала: «Ну, спасибо, Ваня!»

И опять переночевали. На четвертый день утром чаю попили, Иван трубочку закурил, курочка опять закокотала. Кинулся он под печку — курочка снесла яичко вовсе дорогоценно!

Сгреб он это яичко и жене говорит: «Ты стряпай-ка теперя мне, жена, сухарьков, я, пожалуй, поеду куда-нибудь (соображат уже себе), а я схожу на базар».

Приходит на базар, торговцы собираются ехать за границу с этими яйцами, менять на товар. «Ну, чо, Иван, что продажное есть?» — «Нет, нету. А вы куда едете?» — «А мы за границу едем — вот двое из артели». — «А возьмите меня третьего», — «Да у тебя чо есь? Чо везешь?» — «Да у меня деньги есь. Вот от вас же получил!» — «А это можно, нам веселее». — «А когда вы едете?» — «Да так дня через два али три», — «Вот это хорошее дело», — Иван говорит.

Иван день пробыл на базаре, вечером приходит домой. Жена пекет подорожнички: «На-ко, мало муки-то», — говорит. «Это можно, — говорит. — На тебе деньги, иди купи, чо тебе надо. И ломового извозчика возьми».

Детей отдали в школу, ходят в школу, учатся.

На пятый же день опять чаю напились, Иван трубочку закурил.

Курочка закокотала, ишо лучше яичко снесла — это уж пятое. Давай Иван собираться. Думат: «У меня деньжонки есь да два яйца — не отстану от товарищей. Мои яйца лучше, чем я им продал».

Ну, день просбирался, переночевали, курочка яичко снесла ишо драгоценнее. Три стало! Сгреб он его, приложил все вместе и жене наговариват, что вот я уеду, ты, мотри, эту курочку никому не кажи и на улицу не выпускай и никому ничо про эту курицу не рассказывай!

Побежал на базар, торговцы те собрались, и поехали за границу.

Все вместе как приезжают те люди торговые, Иван — не торговый, не сведущий, торговцы те [продали] свой товар и набрали товару не шибко корыстного, дешевого. Иван все на них присматриватся. Товар они купили, один туда убежал, другой — туда. Давай Иван с теми заграничными купцами разговаривать, давай свой товар казать. Заграничные купцы увидели, что у Ивана товар ишо лучше. Вытребовал он хорошего товару. Они выкатили еще товару получше и уступку сделали: первый раз торгует человек.

Те пришли и увидали фактуру1 у Ивана, что очень хороший товар у Ивана [...]. «Слухай, что мы теперь будем делать? Иван- то нам шпильку вставит, — у него товар лучше, да он его подешевле пустит. Он в ремиз вставит нас, что-нибудь надо делать с ним». И вот придумали они: «Дорогой вместе поедем, два стана проедем, на третьем его прикроем, фактуру отберем, и товар весь наш будет. А жене [...] скажем, что Иван твой потерялся. Так вот

пускай так и будет», — так и согласились.

Иван ничо не знат. Собрались, в обратный путь поехали, товар ушел на машине, они на лошадях. Стан отъехали, другой отъехали. На третий собираются ехать ночью. У Ивана заболел зуб, так прямо из ума вышибат! Вот они уговаривали, уговаривали: «Иван, поедем да поедем!»

Иван не едет: Иван с ними вместе отказался ехать: что «я вместе с вами не поеду, буду зуб лечить, может, через неделю поеду».

Они все-таки уехали одни.

Уехали. Ночь не спали и караулили, ковды поедет Иван. На другую ночь крепким сном уснули, у Ивана зуб стал ладный, он нанял пару лошадей и вперед рысью прокатал, очутился вперед товарищей.

Приезжат домой, и дня через два, через три приходит товар Ивану. Иван: «Куды же товар?» Был один амбар — надо туды ложить. И в амбаре открывает лавку попервости.

Те же товарищи его тоже товар привезли, и ставят они аршин на копейку дороже против Иванова. Весь народ идет перво в те лавки, как знаменитые были лавки, всё товар не глянется. Новая лавка объявлена у Ивана у Стрелкова — идут туды, смотрят: всё товар хороший. И там торгует Иван с женой, деньги некуды там класть и прямо в сусек бросает. И очень хорошо торговали. Дня три проторговали в амбаре, Иван говорит: «Лавку нужно нам строить».

Купил домик, лавку поставил, сделал.

И вот лавочку завели свою; Ивану не приходится торговать — товару мало осталось, надо опять ехать. Жена боится оставаться одна: «Ты найми мне приказчика!»

Нанял он ей приказчика, молодого человека, а сам собрался за границу, на долгое время товар отыскивать, где там дешевле и лучше.

Торгуют день они, торгуют два, торгуют три. И приказчик все к хозяйке поближе и поближе. И все-таки женщину сбил под свою фирму, сомутил. И давай у ей выспрашивать: «Чем вы капитал нажили? Ни его не было, чуть не по миру ходили — и теперь вот чем торгуете, вот какую лавку имеете!» — «Да нет, я не скажу, чем нажили, а то Иван приедет — убьет!» — «Да рази ты еще тепере Ивана будешь слушать? Тепере уж со мной сошлась, дак

меня будешь слушать, Иван твой чо понимат?»

Ладно. Женщина еще билась, билась, на третий день распустилась, что вот «у нас курица несла золотые яйца».

Пришли обедать, он сейчас в курятник под печку, курицу вытащил, кверху поднял, крылья расширил, смотрит — на крыльях написано золотыми буквами: «Кто от этой курицы съест голову, тот будет царем, кто потрох съест, тот будет плевать золотом и серебром».

Обед готовил уж повар. Курицу назад приказчик затолкал, пришел обедать и хозяйке говорит: «Вот что, хозяйка, завтрашний день к обеду мне эту курицу зарубите и приготовьте». Хозяйка на то ему отвечает: «Что ты! Мы этой курицей живем, с этой курицей людьми стали! И ты из этой курицы живешь!» — «Нет, как хотите, зарубите! Я не буду торговать. Муж приедет, я на тебя нажалуюсь, что ты весь капитал здесь размотала, по спектаклям ходишь, по киятрам».

У женщины вправду волосья долги, а ум короткий. Согласилась она курицу эту зарубить. Приказчик ей на то и говорит: «К обеду повар пусть готовит. Голова и потрох мои, а туловище твое, будешь закусывать».

Вот назавтра ушли торговать, народ лезет и лезет, прямо-таки задавил! Дети из школы пришли. Повар ждал, ждал их обоих, чо-то отвернулся, вышел из кухни, дети пришли, ись захотели, сразу кастрюлю открыли и увидали, что сверху лежит голова курячья и потрох. Петр съел голову, а Саня съел потрох.

Приходит хозяйка с приказчиком на обед. Приказчик требует в первую очередь голову и потрох; порыл, порыл приказчик — головы и потроху нет! Спрашивает повара: «А где голова и потрох? Я не велел бросать тебе!» Повар говорит: «Тут все было, я ничего не бросал: и потрох и голова». — «Ну-ка, дети, идите-ка сюда! Вы что, прибежали, в кухне были?..» — «Были», — «А что ели? Ели? Чо?» — «Мы съели», — говорят. Один говорит: «Я голову съел». А другой говорит: «Я потрох съел».

Приказчик голову захватил и себе вырвал горсть волосьев: «Что вы нагрезили, что вы наделали!»

Упал вниз на подушку и лежит, как будто доспелся без ума.

Дети с матерью курицу съели, пообедали и выскочили, играют.

Приказчик обумелся, зовет хозяйку: «Вот что, давай детей наколи, вынь голову и вынь потрох, и мне предоставьте!» Хозяйка на то ему отвечат, приказчику: «Кака же я буду мать! Детей своих колоть из-за каких-то куричьих головы и потроху?! Как же я это переносить буду?» — «Ежли ты согласна со мной жить, то заколешь своих детей, а не согласна, я тебя пристрелю сейчас и твоих детей пристрелю, все равно потрох [и голову] выну».

Женщина думала-думала долго и коротко — волосы долги, ум короток. Придумала: «Что же, пущай хоть я жива останусь, а детей можно и прекратить». Приходит в кухню и говорит повару: «Вот что, повар, ты возьми детей, возьми ножик и уведи в тайгу, чтоб мое ухо не слыхало, и чтоб мой глаз не видел, возьми, и заколи их, и вынь из них голову куричью и потрох куричий, и предоставь приказчику моему».

Повар начал точить ножик. Дети пришли домой и спрашивают: «А куды же ты, Семен, нож ладишь?» — «А вот пойдем вместе в лес, я срублю [удилища] и буду удочки вам ладить». И вот они рады: «О, Семен, мы пойдем с тобой удилища вырубать!»

Шли-шли, отошли далеко в лес — и жалко было повару колоть, что он горькими слезами плакал. Они вперед бегут, он сзади. Они заметили: «Что ты, Семен, так плачешь, кого ты жалешь?» — «Вот что я вам скажу: вы вот не послушали, в кухню вы ко мне зашли, съели голову и потрох куриные, и вот за это вам наказание: велела ваша мать зарезать вас и вынимать голову и потрох».

У повара дома были щенята маленьки, постельны, только родились. Дети стали его просить: «Семен, оставь ты нас, мы тебе сгодимся не седни-завтра».

Санька в то же время, будто горло перехватило, харкнул — посыпалось золото, плюнул — посыпалось серебро: «Семен, снимай пальто да расстилай. Мы тебе капиталу сейчас достанем!»

Семен пальто снял да расстелил, и давай Санька харкать да плевать. Такую копну нахаркал, что едва Семен поднял. А присоветовали Семену дети, что «у тебя есть щенята, ты заколи щененка да приготовь потрох и мозги, будто за голову куричью, и принеси приказчику, и накорми его, а мы пойдем в чисто поле, в широкое раздолье».

Семен согласился на это мнение, едва-едва унес золото- серебро, унес в сусек-амбар, высыпал. Приколол двух щенят и приготовил мозгов и потрох. И принес прямо в магазин приказчику. Приказчик с аппетитом закусил. И не делатся приказчик царем, и харкает — золото не вылетат, плюнет — серебро не сыпется. И думат: «Что такое это?»

Приезжат Иван из-за границы с товаром — детей нету. «Что тут будем теперь говорить?» Говорит жена приказчику: «А вот скажем: ходили в лес по ягодки и заблудились, и вот никак не можем найти».

То же в одно и повару так наказали.

Иван приезжат — встречать некому. Взял им за границей костюмы хорошие, больши уже они стали. В первую очередь забегат в магазин и спрашиват свою хозяйку: «Где Петя и Саня, почему меня не встречают?» Хозяйка Ивану отвечат: «Эх, Ваня, что сделалось: пошли мы все […] в лес погулять, и сделалась буря, и почему-то они вперед нас ушли, мы не могли догадаться и полмесяца искали. И сколько я искала, сколько капиталу истратила, ну, и посейчас ищем, и даже костей-то не можем найти!»

Иван, его как обмороком сшибло, и горьким он слезам за плакал и не мог ни запить, ни заись. И все только чижало поиздыхивал, жалел своих детей.

Дети пошли от повара по одной дорожке. Шли-шли, вышли две дорожки. Как раз на росстанье стоит столбик. На столбике написано: «Кто по правой дорожке пойдет, тот будет царем, кто но левой пойдет, тот прекрасную Марфиду-царевну взамуж мозьмет». Петя и говорит: «Я пойду по правой дорожке. Я съел голову, не буду ли я царем?» — «А я, — Саша говорит, — пойду по левой дорожке, не возьму ли я Марфиду-царевну взамуж, потому что у меня капитал в брюхе сидит». И вот Петя раскрыл псе свои карманы, попросил: «Саша, ты дай мне капитала!»

И он ему наплевал, нахаркал во все карманы, дал золота и сребра. У Пети ишо был […] платочек, растянул — он ишо ему добавил. Платочек завязал в узелок, распростился и пошел.

Петя шел-шел и вышел куда-то в город. Народ идет и едет псе какой-то тумной из себя, невеселый. Петя все присматриват, почему народ невеселый? Стоит избушка худенька. Подходит он к этой избушке и смотрит в окошко. Сидит там одна старушка. Просится он у этой старушки: «Баушка, можно у тебя майку попить?»

Баушка на то ему отвечает: «Если ты не брезгаешь, то заходи и мое житье».

Петя зашел, разговорился с баушкой: «Ну, что, баушка, нет ли у тебя чо поись?» — «Вот за душой одна краюшка хлеба. Живу я одна здесь. Дети были, пошла новая жисть, республика, псе меня бросили. Я — ковды сыта, когда голодная — так и мучусь». — «А что же, баушка, у вас есть лавки, магазины, базары? Купить чо можно?» — «Все есть, дитятко, — отвечает бабушка, — только очень все дорого!» — «Это ничего, что дорого!» — Петя отвечает ей. Спускат Петя руку в карман, нытаскиват золота и серебра, подает баушке: «Баушка, сходи вот, чо надо, то и купи. А пока я шибко есть захотел — твою краюшечку погрызу».

Старуха обрадовалась, взяла корзину, убежала на базар. Набрала разной разности, закуски, и прикуски, и выпивки, всё. И такая верная старушка была: сколько осталось капиталу, сдачу принесла. И десять копеек просит у Пети: «Дай мне, Петя, десять копеек, один гривенник. Завтра в Казанском соборе публика собиратся. У нас вот уже двенадцать дён — и завтра последний день будет, у нас сейчас стоит республика — выбирают государя. Месяц-два потерпят — опять столкнут: неладно правит, — это старуха Пете рассказыват. — Тепере уж народ решил: так выбрать не могут, а вот кто [воскову] свечу купит и у кого она зажгется сама собой, тот и будет царем. Вот завтра публика большая будет собираться». — «Дак, бабинька, и мне, поди, можно сходить в Казанский собор?» — «Да пошто же не можно! Человек молодой, сходите, публику посмотрите — публики будет много!» — «Дак вот тебе, баушка, ты сдачи чего принесла и мне не сдавай». — «Да что ты, дитятко, как мне много даешь?» — «Ничего, баушка, тебе годится, а у меня есть да и будет».

И вот переночевали, утром встали, чайку попили и пошли в Казанский собор, в церкву. Публики очень много было. Первы свечки брали бояре, военные, князья, министры, губернаторы, потом простонародье, гражданины все вопче, — ни у кого свечки сами не горят.

Пробивались старуха с этим с Петей, кой-то как пробились. У Пети платочек, узелочек в руках с собой. Старуха гривенничек дает, а Петя весь узелок развязал и кладет старосте на свечку. Церковный староста не мог сообразить, не мог сосчитать, каку свечку давать, сдачу ли давать? Все дела спутал. Когда пригласил священника староста и сосчитали, всех более свечка попалась Пете, никто таких не брал, всех дороже. Только староста подал в руки Пете свечу — и свеча у Пети вспыхнула сама. Народ весь заговорил, зашептался: откудова такой юнош явился? И вот ни у кого свечка

не горела, у него именно загорела. Затеплили все от этой свечки, вся публика, свои свечки, взяли иконы в храме и вышли на улицу, подул ветерок — у всех свечки угасли, а у Пети не угасла. Округом храма обошли, а у Пети все не гаснет. Не уверились, не убедились раз, второй раз так стали делать — все равно. И на третий раз — публики тут ишо больше понабиралось — точно так же!

Все преклонились к Пете. Петю взяли и повели на престол: «Да ты откуда у нас взялся такой вьюнош? Да ты все-таки крещеный, православный?»

Ну, он им всю свою жизнь рассказал. «Ставите меня царем, дак я могу только подписывать — решать должон народ».

Ну и вот, хорошо пошло царство. Народ что решит — Петя подпишет. Жизнь пошла — все права и законы хорошие: народ расцвел, светлый стал. Правитель же есть. Каки недостатки — займыват за границей, народ снабжат и просто живет — ну, пан королю!

Тот Саня как мучится — будем про другого брата говорить.

Петя и думат: «Я-то хорошо живу, а где Саня, мой дорогой брат, жив ли он?»

Саня таким же способом шел, вышел край городу, и стоит худенькая избушка. Таким же способом попросился он переночевать. В избушке жила старушка. Старушка-то была хитровата. Он зашел к старушке, переночевал, всю ночь разговаривали. Он и спрашивает: «Кто у вас тут царствует?» Старушка ему отвечает: «У нас царствует Марфида-царевна; она очень из себя видная, очень красивая — ни в сказке сказать, ни пером написать, но только на картинке срисовать!»

Ладно. Саня говорит: «А нельзя ли ей, баушка, предложение (делать, посвататься?» А старуха эта была вхожа к Марфиде- царевне. Старуха говорит: «Это можно, я могу сходить».

Вот поутру встает Саша, пишет письмецо и отправляет старушку с письмецом к Марфиде-царевне.

На ей же, на этой Марфиде Прекрасной, сватался Маркобрун-богатырь. Она и за него не пошла, [потребовала] какого-то капиталу большого.

Ладно. Старушка письмо взяла, унесла Марфиде-царевне. Марфида-царевна это письмо взяла, как прочитала — все члены у ней оторвались и упали. И Марфида-царевна письмо разорвала, старуху подозвала и стала ей

говорить: «Что ты, с каким волшебством мне […] письмо принесла? Ковды на мне сватался Маркобрун-богатырь, я и то отказала, а ты с каким-то письмом навязалась! Где же твой жених? Как бы на него посмотреть?»

Марфида-царевна ответ велела написать, чтоб его посмотреть. Пришли они. И вот очень поглянулся Марфиде-царевне Саня, всей бы душой вышла за него. Ну, и спрашивает [Саню]: «Что же ты, какую милость моему народу дашь? Сколько же ты капиталу дашь?» Он говорит: «Капиталу могу я дать — облегчение народу Марфидиному-царевниному, чтобы три года никакого налогу не платить!» — «Это можешь ты дать?» Саня отвечает: «Могу», — «Где же ты такой капитал возьмешь?» Отвечает Саня: «Это не твое дело. Где бы я такой капитал ни достал, а только могу предоставить этот капитал по частям».

И вот они сговорились так, подписями обязались. «Можете, — говорит Саня, — часа через три по капитал приехать».

Марфида-царевна через три часа отправляет дядьку с конвоирами по капитал.

А Саня со старухой зашли на базар, [он] взял купил три куля. Старуха зашла в свою избушку, налаживат обед, а Саня остался на дворе, куль раскрыл и давай плевать да харкать — посыпалось золото-серебро прямо в куль! Нахаркал он, наплевал куль и приниматся за второй. И таким же порядком приниматся за третий.

В ту пору старуха в окно-то и увидала, что он плюет, и догадалась: вот откуда у него золото-серебро сыплется! […]

Старушка как смекнула, откуль он деньги берет, взяла и, как она была знакома Марфиде-царевне, написала писульку, что мотрите, Марфида-царевна, смекайте, капитал у него в роте.

Приезжает дядька по капитал с конвоирами отвозить ее капитал: «Распишитесь в получении!»

Дядька расписался, заведующий расписался. «Ничего, можете брать».

Конвоиры поднять не могут эти кули. Заведующий заскочил помогать, и дядька тоже, — не могут поднять. Саня сам заскочил, на них долго любовался. Кой уж как, их двенадцать человек было, один куль на тележку зворотили, а два-то куля, думали, отсыпать надо и отсыпать некуда.

Саня посмотрел-посмотрел, взял одной рукой, приподнял и со всего маху на тележку бросил.

Приезжают с капиталом, дядька сразу же и предъявил Марфиде-царевне, что ты идешь не за худого человека, ты идешь за богатыря: «Мы, двенадцать человек, не могли поднять, а он одной рукой поднял да положил».

Давай капитал считать они — весь пересчитали: на три года хватит, чтоб народу без налога жить да еще в остатке останется.

Давай везде объявления посылать: по газетам было, по церкнам молебны пели, все Марфиду-царевну прославлять стали. Сделался торжественный праздник.

Она, баушка, все-таки эту записку послала. Марфида-царевна и гу записку прочитала: «Да! Вот как! У него капитал весь в роте, весь в брюхе сидит!»

Пишет Марфида-царевна опять письмецо, отправляет кон- иоира, чтоб явился с женихом, только разговор будет о свадьбе. Послала пару лошадей за ними, жених с баушкой явились. Собрала она всех гостей, Марфида-царевна. Ковды они заявляются, она встретила жениха будто с радостью. Наладила разные там закуски, и прикуски, и напитки, и наедки. Прямо перед Санею наладили одну тарелку рвотного, чтоб его рвало, а другую — сонного порошка.

И вот ков да явился Саня, приняли его, посадили хорошо за (гол, и наливат Марфида-царевна рюмочку себе и рюмочку ему, и предлагат, что вот выпьем, Саня, по рюмочке и поздравим всех. Выпили. Все гости, все войска закричали: «Ура!» И вот пошла: «Гости, закусите!»

Он выпил рюмочку, что-то ему так лихо сделалось! Как кусочек закуски закусил — и [пошло] его рвать, полоскать! И до того рвало, что вырвало этот куричий потрох. Марфида-царевна сгребла его и съела.

Саня был без памяти. В то же время она предложила ему: «Что с тобой, Саня, сделалось? Давай ишо выпей!» И наливат из другой бутылки сонного порошка. Дали сонного порошка, и он упал и уснул, крепким сном спал. Товды Марфида-царевна
своим слугам говорит: «Что хотите, то и делайте с ним — вот жених мой! Я сейчас сама богата буду: харкну — золото будет, плюну — серебро!»

И давай объявление народу писать, что теперь вечно народ не будет налогу платить, пока Марфида-царевна жива, а его [Саню] взять, разорвать и бросить!

Дядька присудил, пожалел его: «Чем мы такого молодого человека разрывать будем, лучше его на помойку выбросим, там он все равно задохнется и предадут его тело». Помойна-то яма только что была вычищена на четыре сажени.

Он, ковды бросили его, он донизу не долетел и пробудился, да ногами как-то за перекладину и поймался. […] Взглянул он кверху — будто две звезды сияют — это дырочки в помойной яме. Вот он давай-ка выбираться. Все-все перекладины были целы, и выбрался он понемногу.

Он прислушался: у Марфиды-царевны гулянка идет, пенье, музыка, радуются, что извели одного жениха.

Он вылез в этот сад, как раз садовник его поймал. Он его стал, садовника, просить: «Ты, дедушка, направь меня, выпусти по какому-нибудь другому ходу, я тебе заплачу». [Садовник] говорит: «Раз ты мне заплатишь, я тебе укажу дорогу и ворота отворю».

[Саня] вытащил двенадцать червонцев золотых, показал, и он, старик, согласился, выпустил его: «Иди, только не блуди!»

Вот он шел-шел, вошел в другой город. В другом городу походил, походил, плюнет — нету серебра, харкнет — нету золота! Марфида-царевна это похитила! Как же тепере добыть?

Пошел он из городу — степушка небольшая и чащица. Что-то три человека суетятся. Это три мужичка пошли из городу и нашли находку. Одна находка — бочоночек, друга находка — ковер, третья — бич. И никак не могут разделить эти находки. Были у них трубки. Дак трубками друг друга исколотили. Эти мужички были люди неграмотны, темные. На этом бочонке была надпись надписана, надрезана: «Тулок разоткни и туда пореви. Сколько тебе войсков надо, столько войсков и появится». На ковре написано: «Ковер-самолет. Садись на него и тряхни, и куды скажешь, туды он и полетит». На биче написано: «Ежли три раза наотмашь ударить кобылицу с наговором: «Была кобылица, [сделайся девица] — сделается девица». А ежли девицу жгнуть три раза с приговором: «Была девица — будь кобылица», — то так и будет».

Он подходит, Саня-то, все прочитал и дело-то все смекнул. «Ребята, — говорит, — бросьте вы, — говорит, — драться, бросьте эту находку, я вам разделю. Вырубайте-ка прутья да гните лучки из прутьев, а я буду делать стрелки». Сделал три стрелки: «Вот так я теперь натяну да стрелю. Котора стрелка дальше улетит, тот получит бочонок, ближе котора улетит, тот получит ковер, а еще ближе котора улетит, тот получит бич».

Ну, у его как силенка была, он их упустил, они, может, на версту улетели, эти стрелки. Он в это время бочонок подбират, бич за пояс затыкат, сел на ковер-самолет: «Ну-ка, ковер-самолет, лети к Марфиде-царевне в ограду!»

И улетел.

Те искали, искали, когда пришли — на этом месте никого не нашли.

Он туды! Возле Марфиды-царевны дворца сел, бочоночек отворил: «Ну-ка, из бочоночка выскакивайте пятьсот человек войску!»

Эх, полезли из бочонка солдаты, только дым пошел! Вылезают и все во фрунт становятся. Ковды выскочили и спрашивают:
«Что прикажете?» Распорядился: «Снять Марфиды-царевны часовых и своих поставить!»

И себе оставил вестового, написал записку и посылат к Марфиде-царевне. Та сном-духом не знат, что часовые ее сняты, сменены. Явился солдатик. Она думает, что ее. Он ее требует к Сане в палатку, а тот раскинул палатку — на расправу.

Она сразу руку-то узнала: «Ох! Это Санька! Как же он жив остался? Я ведь велела разорвать его да бросить, а они его целиком бросили!»

Ну, ответ дожидатся солдат. Она пишет, что сейчас явится. Берет дядьку и на паре [...] подкатыват. Он поздоровался с ней — она кланяется: «Здравствуйте, Александр Иванович!» — «Здравствуйте, Марфида-царевна!» — «Где же вы, — говорит, — Александр Иванович, так долго были?» — «Да долго ли, коротко ли был, но только очень хорошо вы со мной доспели. — Очень благодарит их. — Теперь, — говорит, — надо с вами письменно делиться. Вот, — говорит, — распишитесь: такого-то числа мне с вами законный брак принять».

Она говорит, Марфида-царевна, посылат дядьку: «Идите за меня распишитесь». Он на то ей отвечат: «Тут должон не дядька расписываться,

а сама ты! Дядька уж расписывался. Вот ими, роспись-то, у меня в кармане, а вот теперь ты распишись».

Она как подошла расписываться, он схватил ее за горлец да об пол, ей тошно стало, ее и вырвало, этот потрох куричий-то и вырвало! Он сгреб его и скорей сглотнул. Она встала, уж силы мой не стало: плюнет — слюнка бежит, харкнет: харчок —не золото.

Но в силу необходимости надо выходить взамуж. Взял он ее и так зажал, и дядьков всех прихватил и заведующих. Вывел ее, бич взял: «Ну-ка, — говорит, — была девица, сделайся кобылица!» Да три раза ожгнул ее, и сделалась красная кобылица — просто загляденье!

Взял обуздал ее, обседлал, ковер в торока с бочонком, сел и принялся подергивать да поджаривать. Она не знает, куды ей ногой ступить.

Ну, и поехал из этого городу брата своего Петю разыскивать.

И вот ехал-ехал — где покормит ее, а где и не покормит ее — и вот въехал в столичный город, где брат его Петя царствовал. И там народ стречь попадат. Он спрашиват: «Кто тут у вас царствоват?» — «Да у нас какой-то прихожий молодой человек», — «А как звать его?» — «Пётра».

Петя-государь вышел на балкон и сейчас лакея: «Лакей!» — «Что такое!» — «А вот смотрю: едет на хорошей лошади, не продаст ли он ее нам?»

Ну тот сейчас — государя боялись ране — пальто в зубы, шляпу сгреб и пошел узнать. Запыхался-бежит: «Здравствуй, барин!» — «Здравствуй!» — «Не продажна ли у вас лошадка?» — «А что это, кому?» — «Да вот нашему государю». — «Эко какой у вас государь завидущий! А можно к нему заехать?» — «Пожалуйста! Вот он сам вашу лошадку посмотрит».

Приезжат, кобылицу за золото кольцо подвязал, повод крепко затянул, а Петя спустился кобылицу смотреть. И вот они поздоровались, обрадовались и друг дружку ничо не могут сказать. Петя-то не знат, что это брат, а тот-то, Санька, он знат. Ну, и потом Саня все-таки сказал: «Да неужель ты, мой брат, меня не признаешь?»

Тут брат обрадовался, повел его в свой кабинет —не надо и кобылу смотреть. А кобыла Марфида-царевна стоит, повод весь на луке подтянутой.

И вот они разговорились тут про всю свою жизнь, похождения. Петя спрашиват: «Ну, чо же ты — видел Марфиду-царевну, взял ее взамуж?» —

«Видел, — говорит, — и возьму!»

Ну и вот, тут они побеседовали, погуляли, говорит Саня: «Поедем, навестим родителей. Жив ли наш отец еще? А матери нашей, может, жизнь окончим, как она хотела нам жизнь окончить!»

Петя печалится: «Это ехать далеко, когда мы доедем! Ведь на ню год надо!» Саня ему на то: «Это не твое дело, не печалься, мне на ероплане улетим».

Пришли к кобылице. Саня выдергиват бич из-за кушака, наотмашь давай [ее] дергать: «Была кобылица — будь девица!» — три раза с приговором.

Ну, сделалась как есть девица! Стала еще в три раза красимое. Обчесал он ее.

Расстилат ковер-самолет, садит Марфиду-царевну, садит Петю, [кладет] свой бочонок, садится сам: «Ну-ка, ковер-самолет,
неси туда, где наш батюшка живет!»

Прилетели туда, так неподалеку сели. И зашли так в подходящий домик, попросились на квартирку все трое. Понятно, их приняли, угостили. «Такой-то есть у вас?» — спрашивают. «Есть», — говорят. «Приказчик такой-то у них торгует?» — «Торгует, торгует, как же? Уж старик тоже стал!»

Они так пошли к вечерку: как раз отец в лавке, приказчик, мать. Ну вот, расторговались, спрашивают: «Этот товар почем?» (Раньше не метр, аршин был.) — «Этот — семнадцать копеек аршин, этот — восемнадцать», — «Вот бы вы к нам попали, у нас такой товар пять-шесть копеек, а у вас семнадцать-восемнадцать!»

Приглашают старика-отца, и мать, и приказчика к себе в гости: «Вы не свободны будете ли завтра? Приезжайте к нам на
обед».

Отец, и мать, и приказчик съездили к ним в гости, и назавтра старик приглашает к себе отгостить. Ну, там ишо гостей он назвал, — собрались все. «Ну, молодые люди, расскажите чо-нибудь». Саня встает: «Да можно бы рассказать. Только вы пере- бивать будете. Вот если такой уговор доспем, чтоб не перебивать, можно, буду рассказывать». — «Да кто же будет перебивать?» — «Вот три лица пускай подпишутся: хозяин, приказчик и хозяйка. Пусть подпишутся, чтоб слова не перебивать!»

Ну, подписались они. Саня и принялся сыпать (вроде сызнова как бы сказка вся рассказывается!). Как дело дошло, что мать велела сыновей убить, мать-то и вскочила: «Это не может быть!» — говорит. Ну, тут-то ее и уняли: «Вы, — говорят, — подписку дали!»

«Когда повар принес эти щенячьи потроха до голову, приказчик взял с аппетитом покушать...» Приказчик вскочил: «Не может этого быть, чтоб съел щенячье мясо!» Тут его уняли: «Вы подписку дали!»

Ковды как всё кончили, рассказали, отец все слушал — молчал, а как кончили, кинжал сгреб, жену заколол, а приказчика застрелил.

Остались Саня с Марфидой-царевной с отцом вместе, а Петя сел на ковер-самолет и улетел в свое царство. И жили хорошо, как Петя, дак и Саня: торговал хорошо — ну, до советской республики. Советская республика пришла, все лавки уничтожила, и не знаю, жив ли, нет ли Саня, остался или убежал за границу.

(Зап. от Г. А. Тугарина; Тункинский р. Бурятской АССР, в 1927 г.)

1 Здесь: мануфактуру.

Русские сказки Восточной Сибири. Сост. тома, подгот. текста, коммент. и предисл. Е. И. Шастиной. Иркутск, 1985.